

М. Курянович

Некоторые изменения в системе глагола Яблочинского Евангелия XVIII века

Источником материала для данного исследования послужило Евангелие, которое до сегодняшнего дня хранится в Польше в Православном мужском монастыре Св. Онуфрия в деревне Яблечна. Памятник был напечатан «âi Сõié Êĸgâoïg+gõñéié ĚAVÐ□, áú Ñòàvpoïèãĸè oïâiæãg Ñõhéøãâi ÑVÍĚĚ, îðè Àððĸiáíãðíðh Ç©СІ□: Áú êhòî ^ ñîãâîðgíĸ# ìpa ÇÑŒŒ, ^ Pãðãã æg ñ Īëïðè ÁĚĚ ÑĒĪĚĚ Īãïèòã ã, Īðã Īãðòã». До 1795 года (III раздел Речи Посполитой) монастырь входил в состав Киевской митрополии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что купленное или подаренное Евангелие было напечатано (1771 г.) монахами Киево-Печерской лавры (Украина). Кроме того, до середины XVIII в. лаврская типография практически не имела конкурентов, так как ее издания пользовались популярностью не только благодаря полиграфии и иллюстрациям, но и изысканности внешнего оформления.

Вторым источником для анализа послужило Остромирово Евангелие (1056–1057 гг.), изданное А.Х. Востоковым в 1843 г. (репринт: Wiesbaden, 1964), – один из первых памятников конфессиональной литературы, созданный на территории Руси.

Казалось бы, эти церковные книги, предназначенные для повседневного использования в церковной службе, должны быть одинаковы как по содержанию, так и в средствах выражения, потому что этого требует их канонический характер, а также принадлежность к одной русской редакции. Однако в них возникают разного рода **варианты** [1] и **дублеты**.

Понятие *вариант* относится к однокоренным словам. Варианты могут быть фонетические и словообразовательные. Первые возникли в результате различных локальных фонетических изменений этимологически тождественных слов. Вторые – в результате оформления одного и того же корня на различных территориях различными словообразовательными аффиксами или словоизменительными, грамматическими средствами.

Дублет – это употребление в одном и том же значении разнокоренных слов, т.е. использование разных слов для наименования одного понятия. Варианты и дублеты – явления одного порядка. Варианты – это разновидность дублетов. Как утверждает Р.М. Цейтлин, и те и другие выделяются по принципу обладания как минимум одним общим значением. Однако варианты в отличие от дублетов имеют общий корень. Члены пары (или ряда) дублетов или вариантов принадлежат генетически разным системам (языкам, говорам) и совмещение их в одной системе постепенно приводит к утрате ненужного (дублирующего) члена пары (ряда) или к появлению у одного из них новых семантических или стилистических особенностей [2].

Деления на варианты и дублеты не делают в своих работах, например, Т. Friedelówna [3] или Е.И. Державина [4], которые используют только понятие «вариант».

В настоящей статье проводится исследование только нескольких наиболее известных и часто употребляемых в церковной службе фрагментов².

Сопоставительный анализ Евангелий XVIII и XI в. выявил ряд изменений в структуре глаголов:

а) словообразовательные варианты (XI–XVIII в.)

iañeúieñ# – eññieieñ# (I,67)	ía- : eñ-
ðañi#òq – iðñi#òu (XXIV,7)	ðañ- : iðñ-
áúieáioà – ñèáioà (VIII,22)	áúí- : ñ-
iðúeigòuñ# – áîçigòñ# (VIII,19)	iðú- : áîç-
áúieäg - iðç;äg (XIX,1)	áúí- : iðç-
eäg - ^eäg (XIV,12)	ø : ^-
iääg – iáiääg (XV,20)	ø : iä-
áëäæàòü – íóáëäæàòü (I,48)	ø : ç-
âgèèòü – ñâgèhâgòü (VIII,25)	ø : ñ-
êñí@ñ# – iðèèñíuñ# (VIII,46)	ø : iðè-
iñæg – áîçíñæg (VIII,43)	ø : áîç-
øüäü – èçøgäü (XV,29)	ø : èç-
øüäü@ – èçøgäøup (VIII,46)	

Как показывает приведенный материал, различия касаются прежде всего наличия или отсутствия префиксов, а также замены одних префиксов другими.

Что касается замены одних префиксов другими, то различия в их употреблении являются не столь существенными. Это вызвано тем, что семантические функции префиксов [5] в соединении с определенным корнем остаются неизменными, например: áëäæàòü – íóáëäæàòü (значит 'восхвалять'), iääg – iáiääg (значит 'пасть, упасть').

В свою очередь, сопоставительный анализ наличия или отсутствия префиксов показывает, что в Яблочинском тексте преобладают префиксальные формы. Этот факт может говорить об интенсивно прогрессирующем процессе формирования категории вида. В Остромировом Евангелии преобладают формы без префиксов (в приведенном материале около 61%), формы с префиксами составляют 39%. Большинство ученых считают [6], что это черта, присущая, прежде всего, памятникам древнейших времен.

A. Szulc считает [6, с. 12], что наличие или отсутствие префикса в славянском тексте очень часто связано с греческим словообразовательным образцом. Однако не всегда употребление или неупотребление префикса можно объяснить греческим источником. Часто бывает так, что на месте греческого слова без префикса появляется славянское слово с префиксом (реже: на месте греческого с префиксом – славянское слово без префикса). К сожалению, исследуемый материал не сопоставлялся с греческим текстом (объектом исследования являются тексты только русской редакции, без сравнения их с каким-то греческим образцом).

² Ев. от Луки I (ã): Зачатие Иоанна 5–25; Благовещение 24–38; Пророчества Елизаветы и Девы Марии относительно Христа 39–49, 56; Рождение и обрезание Иоанна 57–68, 76, 80; II (ã): Сретенье Господне 22–40; VIII (è): Притча о сеятеле и семени 5–15; Притча о зажженной свече 16–21; Укрощение бури на озере 22–25; Иисус изгоняет легион злых духов 26–39; Исцеление женщины, страдавшей кровотечением 41–56; XV (ãí): Притча о блудном сыне 11–32; XVIII (ñí): Притча о фарисее и мытаре 10–14; XIX (ñí): Притча о Закхее 1–10; XXIV (èä): Воскресение Христово 1–12; Вознесение Господне 36–53.

Словообразовательный анализ глаголов показывает также, что в Яблочинском памятнике наблюдается усложнение структуры слов, т.е. бессуффиксальные лексемы Евангелия XI века уступают место суффиксальным словам;

б) кроме словообразовательных изменений, которым подверглись глаголы, большую группу составляют дублиеты, т.е. пары, в которых глагол вытесняется семантически тождественным словосочетанием: $\epsilon\acute{\iota}g\acute{\iota}g\acute{\iota}u - \acute{\alpha}i\upsilon \text{ } \acute{\alpha}g \ \epsilon\grave{\iota}\#$ (VIII,41); $\acute{\iota}g \ \acute{\alpha}\epsilon\delta\acute{\omicron}u\grave{\eta}\# - \acute{\iota}g \ \acute{\alpha}\epsilon g\acute{\iota}\acute{\iota} \ \acute{\alpha}u\acute{\alpha}g\acute{\omicron}u$ (VIII,17); $\acute{\eta}\acute{\iota}h\delta\grave{\alpha}>\epsilon\grave{\eta}\# - \acute{\eta}\acute{\iota}\epsilon\delta\#\#\acute{\epsilon} \ \acute{\alpha}g \ \acute{\eta}g\acute{\alpha}g$ (XVIII,14);

Наблюдается также обратное явление, т.е. вытеснение сочетания одним глаголом с синонимическим или похожим значением: $\acute{\iota}g \ \acute{\alpha}@\acute{\alpha}g\acute{\omicron}u \ \acute{\eta}\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\iota}\acute{\iota} - \acute{\iota}g \ \acute{\eta}\acute{\iota}\acute{\alpha}g\acute{\omicron}\acute{\eta}\#$ (VIII,17); $\acute{\iota}g \ \epsilon\grave{\iota}h\acute{\alpha}\delta@ \ \acute{\alpha}h\rho\acute{\upsilon} - \acute{\iota}g \ \acute{\alpha}h\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\alpha}\delta\upsilon$ (XXIV,12); $\acute{\alpha}h\rho@ \ \acute{\iota}g \ \acute{\iota}\grave{\alpha}\delta\acute{\omicron}u - \acute{\alpha}h\rho\upsilon\delta\acute{\omicron}u$ (VIII,13); $\acute{\alpha}\acute{\alpha} \ \acute{\iota}g \ \acute{\alpha}h\rho\acute{\upsilon} \ \epsilon\grave{\iota}\acute{\upsilon}\acute{\omicron}g - \acute{\alpha}\acute{\alpha} \ \acute{\iota}g \ \acute{\alpha}h\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\alpha}\acute{\omicron}g$ (VIII,12); $\acute{\eta}\acute{\eta}g\acute{\iota}\epsilon \ \acute{\alpha}@\acute{\alpha}@\delta\acute{\omicron}u - \acute{\eta}\acute{\eta}\acute{\alpha}\acute{\eta}\acute{\omicron}\acute{\eta}\#$ (VIII,12);

Из анализа приведенного материала следует, что в Яблочинском тексте преобладают словосочетания (62,5%) над глаголами (37,5%). Как полагает А. Szulc, характерной чертой памятников XIV–XIX вв. является замена словосочетания глаголом; обратное же явление выступает в них спорадически [6, с. 76–77];

в) Яблочинский памятник по отношению к тексту Остромирова Евангелия зафиксировал также ряд изменений, касающихся замены одних глагольных форм другими (глагольные варианты):

$\div\acute{\alpha}\epsilon\delta\acute{\omicron}\#\#\# - \div\acute{u}\acute{\alpha}\#\delta\acute{\omicron}u\grave{\eta}\#$ (I,63); аорист – имперфект
 $\epsilon\grave{\iota}h - \epsilon\grave{\iota}\#\acute{\omicron}g$ (VIII,27); аорист – имперфект
 $\acute{\alpha}\epsilon\grave{\alpha}h - \acute{\alpha}\epsilon\grave{\alpha}h\acute{\alpha}u$ (XIX,5); аорист – деепричастие
 $\sim\acute{\eta}\acute{\iota}u \ \acute{\iota}\acute{\alpha}\epsilon\grave{\alpha}h\acute{\epsilon}u - \acute{w}\acute{\alpha}\epsilon\grave{\alpha}h\delta\acute{\omicron}u$ (VIII,8); перфект – имперфект
 $\acute{\iota}h\grave{\eta}\delta\acute{\omicron}u \ \acute{q}\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\acute{\epsilon}\acute{\alpha} - \acute{\iota}g \ \acute{q}\acute{\iota}\delta g$ (VIII,52); перфект – аорист
 $\acute{\alpha}h\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\alpha} - \acute{\alpha}h\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}u$ (I,20); аорист – действ. прич. прош. вр.
 $\acute{\alpha}h\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\alpha} - \acute{\alpha}h\delta\acute{\iota}\acute{\alpha}\acute{\alpha}\acute{\omicron}\acute{\alpha}\#$ (I,45); аорист – действ. прич. прош. вр.
 $\acute{\eta}\acute{\eta}\acute{\alpha}\acute{\iota}g\acute{\iota}u - \acute{\eta}\acute{\eta}\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\acute{\alpha}g\acute{\iota}u$ (VIII,24); будущее простое – настоящее
 $\sim\acute{\eta}\delta\acute{\omicron}u \ \epsilon\grave{\iota}\#\ \sim\acute{\iota}q - \acute{\alpha}u\acute{\alpha}g\acute{\omicron}u \ \epsilon\grave{\iota}\#\ \acute{\alpha}\acute{\iota}q$ (I,63); настоящее время – будущее
 $\acute{q}\acute{\iota}\delta h\delta\acute{\omicron}u - \acute{q}\acute{\iota}\delta g$ (VIII,53); настоящее время – аорист
 $\acute{\alpha}\acute{\alpha} \ \delta\acute{\alpha}\acute{\alpha}q\acute{\iota}h\delta\acute{\omicron}u - \delta\acute{\alpha}\acute{\alpha}q\acute{\iota}h\delta\acute{\omicron}e$ (XXIV,43); повелит. наклон. – инфинитив

К этой группе принадлежат также многочисленные примеры, касающиеся замены супина инфинитивом [7].

Самую большую группу глагольных вариантов составляют формы прошедшего времени: аорист – имперфект, перфект – имперфект, перфект – аорист, аорист – действ. прич. прош. вр. Такая замена могла быть вызвана как семантической близостью этих форм, так и тем, что она не вызывала никаких синтаксических изменений. Что же касается замены будущее простое – настоящее, настоящее время – будущее, то следует это принимать или как контекстное различие (переводчики по-разному воспринимали описываемые события), или как результат сопоставления с разными греческими текстами.

Интерес вызывает единичный пример, касающийся употребления на месте глагола в форме настоящего времени глагола в форме аориста: $\acute{q}\acute{\iota}\delta h\delta\acute{\omicron}u - \acute{q}\acute{\iota}\delta g$. Такая замена также могла быть вызвана контекстом: речь идет о смерти девушки, т.е. о действии, которое происходит одновременно с моментом речи ($\acute{q}\acute{\iota}\delta h\delta\acute{\omicron}u$) или только что произошло ($\acute{q}\acute{\iota}\delta g$). Именно эта разная оценка происходящего могла вызвать у переводчиков трудности, которые отразились в употреблении различных глагольных форм.

Самую большую группу составляют обратные дублиеты, т.е. пары, в которых первый и второй члены меняются местами, при этом все функции членов пары остаются теми же [8]:

iēīāā oāīð#ōū – ñāgðøāþòū iēīāā (VIII,14);
 ī#ōū īhōū – īōū ī#ōū (I,24);
 āūāī\īāāgñ#ōg ēhòq – ēhòū āāīþīāāgñ#ōg (VIII,42);
 èçèāīø# āhñè – āhñè èçūāīøā (VIII,35);
 īāāúøg~ āú òðūīèè – āú òðgíçè īāāøgg (VIII,14);
 ñhā#ma ÷ēāèà – ÷gēīāhèà ñhā#ma (VIII,35);
 īñīèāgñ#ōū è ÷gòūðū ēhòū – ēhòū īñīūāgñ#ōū è ÷gòūðè (II,37);
 āúøgñòū æg īhñ#ōū – āú īhñ#ōū æg øgñòúé (I,26);
 íā çgièè āīāðh – íā āīāðhé çgièè (VIII,15);
 ímū è āūíú – āgíú è ímū (II,37);
 ÷ūòí òè èi# ~ñòū – ÷òí òè āñòū èi# (VIII,30);
 āāiú āāíí ~ñòū – āāiú āñòū āāíí (VIII,10);
 ~ñòū æg īðèò÷à ñè – āñòū æg ñç# īðèò÷à (VIII,11);
 ðūāāð@ æg āūñè è iēāāēāāð@ñ# – iēāēāðñ# æg āñè è ðūāāðū (VIII,52);
 īoāoāā~òū iè āú āīīq oāī~iū āúòè – āú āīiū oāīgiū īoāoāāgòū iè āúòè (XIX,5);
 íè iòū ~āèíāí æg īīæg èñòhèhòè – è íg āīçīīæg íè ^ gāēīāāí èñòhèhòè (VIII,43);
 èiú \ çà ð@è@ – èiú çà ðūèu ā# (VIII,54);
 ñúoāíðè iúíh – iíh ñiòāíðè (I,24);
 íāā iðāāūāiúíā – iðāāgāíā íāā (I,6);
 ñg á@āgòū øgēīāāíè~ – āuāgòū øhēīāāíçg ñçg (I,29);
 ñg iúíh – iíh ñçg (I,43);
 īðèòú÷à ñè – īðèò÷à ñç# (VIII,10), ñç# īðèò÷à (VIII,11);
 āú çāīīāhāgòū āūñhòū – āī āñhòú çāīīāhāgòú (I,6);
 ðāçāīhāāāū æg ñ# – ðāçāīhāāāñ# æg (XV,28);
 iīèhàøg æg ñ# – iīè#øgñ# æg (VIII,38);
 qái"āúøg æg ñ# – qái#āøgñ# æg (XXIV,37);
 iòāðūçīø# æg ñ# – ^āgðçīøāñ# æg (I,64);
 >āè æg ñ# – >āèñ# æg (I,11);
 iīè\òè ñ# – iīèþñ# òè (VIII,28).

Такое большое количество обратных дублетов указывает на то, что язык переводов характеризовался свободным порядком слов, который не выражал грамматического значения и использовался, прежде всего, как способ выделения члена, несущего основную смысловую нагрузку [9], [10]. Надо однако подчеркнуть тот факт, что в исследуемых текстах функционирует разный «переводческий» принцип написания частицы æg: перед ñ# (Остромирово Евангелие), или после ñ# (Яблочинский памятник). И хотя в старославянском (как и в церковнославянском) языке свободный порядок слов, переводчики устанавливали свои собственные переводческие правила (может быть, связанные с греческим образцом) и последовательно их соблюдали.

Анализ исследуемого материала показал, что с XI в. (появление на Руси первого славянского Евангелия) глагольные формы подвергались структурным и семантическим изменениям. В возникающих одна за другой копиях и редакциях эти изменения накапливались и распространялись в богослужебных книгах. Результатом этого являются обнаруженные в Яблочинском Евангелии XVIII в. словообразовательные варианты и дублеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Kondratiuk, M.** Словообразовательные отличия русского церковнославянского языка от старославянского языка на материале Евангелия XVIII века. Словообразовательные варианты / M. Kondratiuk // Studia Wschodniostłowińskie. – Białystok, 2009. – Т. 9. – С. 129–135.

2. **Цейтлин, Р.М.** Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. / Р.М. Цейтлин. – М., 1977. – С. 45–46, 52–53.
3. **Friedelówna, T.** Ewangeliarz Ławryszewski. Monografia zabytku / T. Friedelówna. – Wrocław, 1974. – P. 169–224.
4. **Державина, Е.И.** О лексических и семантических старославянизмах в памятниках древнерусского языка / Е.И. Державина // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М., 1987. – С. 105–110.
5. **Słoński, S.** Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim) / S. Słoński. – Warszawa, 1937.
6. **Szulc, A.** Leksykalne i słotwórcze zróżnicowanie cerkiewnosłowiańskich psalterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku. Część II. Zróżnicowanie słotwórcze / A. Szulc. – Toruń, 2001. – P. 11–12.
7. **Kondratiuk, M.** К вопросу об истории славянского глагола / М. Kondratiuk // Studia Wschodniosłowiańskie. – Białystok, 2007. – Т. 7. – С. 349–356.
8. **Чернышева, М.И.** Вопросы об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» / М.И. Чернышева // Вопросы языкознания. – 1944. – № 2. – С. 100–107.
9. **Хабургаев, Г.А.** Старославянский язык / Г.А. Хабургаев. – Москва, 1974. – С. 241.
10. **Wronkowska, M.** Konstrukcja podwójnego przeczenia w Czteroewangeliarzu Przemyskim / M. Wronkowska // Rocznik Slawistyczny. – 1981. – Т. XLII, ч. 1. – С. 37–43.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of the word-formative variants and doublets which refer to the forms of verbs distinguished from two Russian Church Slavonic texts: Jableczynska Gospel (18th century) and Orthodox Ostromira Bible (11th century). The comparison of these two texts on linguistic level permits to ascertain, that over the centuries the forms of verbs has changed in a meaningful way. Many individual changes reflect the lack of stability in the choice of devices.

Поступила в редакцию 27.01.2010